

ИНТЕРВЬЮ: КАТКОВА ЗОЯ ДМИТРИЕВНА

Interview with Zoya D. Katkova

(1932–2014)

Проект: «Китаеведение – устная история» China Studies – Oral History

The project is supported by the «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Каткова Зоя Дмитриевна (ЗК) к.и.н., Старший научный сотрудник, отдел Китая, ИВ РАН	Zoya D. Katkova, PHD (History) Senior Research Fellow, Institute of Orientology, Russian Academy of Science
Место интервью: Москва	Place: Moscow
Дата: 26 сентября 2009 г.	Date: September 26, 2009
Продолжительность: 2 часа	Duration: 2 hours
Объем с комментариями: 43900 знаков, 25 страниц по 1800 знаков с пробелами, 1,1 а.л.	Volume (with comments): 25 pages
Вёл интервью и комментировал: Агеев Н.Ю. (НА), ИВ РАН	Hosted and commented by: Nikolai Y. Ageev, IOS RAS

Краткие сведения: Каткова Зоя Дмитриевна (Москва, 1932–2014). Китаевед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Китая ИВ РАН. Специалист по истории китайской дипломатии, внешней политики Гоминьдана, советско-китайским и японо-китайским отношениям. В 1950 под влиянием событий 1949 в Китае поступила на китайское отделение МИВ. Ученица Р.В. Вяткина, Л.И. Думана, Г.А. Ганшина. После закрытия в 1954 МИВ завершила учёбу в МГИМО. В 1972 защитила кандидатскую диссертацию, поступила на работу в отдел Китая ИВ АН СССР, где работает по сей день. Выезжала в Китай в 1990. В настоящее время участвует в написании 10-томной «Истории Китая», под редакцией академика С.Л. Тихвинского (разделы по внешней политике Китая между двумя мировыми войнами). Автор 4-х книг и десятков статей. Избранные труды: Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). – М., 1978, 240 с.; Китай и державы, 1927–1937 гг. – М., 1995, 276 с.; Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай–Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов

взаимовосприятия (VII в. н.э. – 20-е гг. XX в.) – М., 1995, 230 с. и др.

Текст Интервью:

НА: Здравствуйте, Зоя Дмитриевна! Добро пожаловать в число участников международного проекта «Китаеведение – устная история»!

ЗК: Здравствуйте, Ваше приглашение стало для меня неожиданностью и большой честью. Но я постараюсь ответить на интересующие вопросы.

НА: Тогда давайте начнём с небольшой формальности. Представьтесь, пожалуйста, кто Вы, где и когда родились?

ЗК: Я Каткова Зоя Дмитриевна, родилась в Москве 2 февраля 1932 г. Кандидат исторических наук. Работаю в отделе Китая, в Институте востоковедения РАН.

НА: Когда Вы впервые узнали, что существует такая страна как Китай, и как это произошло?

ЗК: В 1950 году я окончила школу и хотела поступать на исторический факультет в МГУ. Как раз в это время в нашей стране (в СССР) было очень большое увлечение Китаем, поскольку там в 1949 году произошла революция. И все люди в Советском Союзе с большим вниманием и симпатией следили за тем, как развивается эта большая и красивая страна. Мы старались как можно больше читать о Китае. И здесь у меня уже возникли сомнения, куда мне после школы поступать. Мои друзья стали уговаривать меня, чтобы я пошла в Институт востоковедения на китайский факультет. Наконец, уговорили, и я в этом же году поступила туда, сдав успешно вступительный

экзамен по французскому языку.

НА: Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Вашей учёбе в институте. Например, о предметах, преподавателях и об общей обстановке, в которой Вы учились!

ЗК: Мы там учили два языка: один восточный, а другой западный. На первом курсе были в основном преподаватели, которые сами раньше оканчивали наш институт. Они были молодыми и преподавали очень интересно. Учиться нам тоже было интересно. На уроках китайского языка писали сначала палочки, потом иероглифы, потом перешли к фразам. Нас хотели научить произносить китайские иероглифы с соблюдением тонов. Для этого мой папа купил мне патефон, а в институте нам выдали пластинки. Мы, готовясь к урокам, заучивали тексты с этих пластинок, стараясь как можно больше подражать тому, что было на этих пластинках записано. Там были сначала небольшие фразы, вопросы и ответы. Это было интересно, и на уроках мы всё это отвечали. Потом тексты постепенно усложнялись, а направление текстов и их лексика были политические. Практически всё было связано с политикой, американским империализмом и т.д. По Китаю мы ещё изучали историю Китая, преподавал нам известный китаевед Рудольф Всеволодович Вяткин¹, который впоследствии перевёл на русский язык громадный памятник –

¹ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910, Базель, Швейцария – 1995, Москва), востоковед, переводчик. Окончил ДВГУ (1939). К.и.н. (1949), доцент (1951). До 1956 преподавал в ВИИЯ, МИВ, МГУ. С 1956 – науч., с 1957 – ст. науч. сотр. Института китаеведения и Института востоковедения (ИВ) АН СССР. Осн. науч. труды посвящены истории Китая, кит. революции 1925-1927, англо-кит. отношениям после 1-й мир. войны, кит. историографии. В переводе Р.В. Вяткина с его комментариями и примечаниями изданы «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня.

«Исторические записки» Сыма Цяня². Р.В. Вяткина все очень боялись. Мы также учили географию Китая и Азии (Георгий Александрович Ганшин)³. Дальше, новую историю нам преподавал Н.П. Виноградов⁴. Поскольку у нас не было никаких учебников, мы всё записывали на лекциях и очень старательно это учили, чтобы хорошо сдать экзамен. Потом был такой предмет, который мы все называли «электрический стул». Студент, которого вызывали к доске, садился посередине, между двумя преподавателями – китайцем и русским. Преподаватели разговаривали между собой при помощи переводчика. А ты – тот самый переводчик – переводил их разговор. В общем, можно сказать, что четыре года мы проучились с большим интересом, были довольны. Это, пожалуй, самые лучшие годы моей жизни. Когда мы окончили четвёртый курс, сдали экзамены и все разъехались на летние каникулы, то тут нам преподнесли очень с неожиданный и неприятный сюрприз. Я уехала в Литву к мужу, он у меня был военный, и тут я получаю письмо, что должна срочно возвращаться в Москву, потому что наш институт расформировали. Это был 1954 год. Все, конечно тут же собрались, были расстроены и не знали,

² «Ши цзи» 史記. «Исторические записки», «Записки историографа», «Записки историка». Сочинение историографа Сыма Цяня (II-I вв. до н.э.), первое в Китае историко-биографическое произведение. Состоит из 130 *пяней* (глав) и 526 500 иероглифов. Охватывает период от полумифической древности – эпохи легендарного Хуан-ди (Жёлтого императора, III тыс. до н.э.) до ханьского У-ди (140-87 до н.э.) и представляет собой описание исторических событий и реалий в области политики, экономики и культуры.

³ Ганшин Георгий Александрович (1925–2005). М.р.: Симферополь. В 1948 окончил МИВ. К.э.н. (1951). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1954-1959), декан Восточного факультета. Науч. сотр. ИВ АН СССР (1959–1961), ИДВ РАН (1988–1998). На дипломатической и партийной работе (1961-1989). Издано более 50 работ.

⁴ Виноградов Николай Павлович (1923-1967). М.р.: Москва. В 1948 окончил МИВ. К.и. н. (1951). Преподаватель МИВ, МГИМО МИД СССР (1951-1955). Науч. сотр. (1955-1967), зав. сектором Отдела Китая (1961–1967) ИВ АН СССР. Издано более 20 работ. Участник Великой Отечественной войны (1943-1944).

что нам делать. Нам предложили идти на первый курс в любой институт. Это было очень странно, потому что многие уже обзавелись семьями и детьми, и начинать учёбу снова было не так просто. Это, во-первых. А во-вторых, все уже были настолько увлечены Китаем и строили планы на жизнь в этом направлении, что не хотели менять свою специальность. Поэтому мы решили предпринять такой шаг – написали в ЦК КПСС письмо с просьбой о том, чтобы всему пятому курсу нашего института всё же разрешили доучиться по специальности и получить диплом об окончании института.

НА: Как же всё это разрешилось? Чем закончилась эта история?

ЗК: Потом мы целый месяц ждали, пока пришёл ответ. К счастью, нам разрешили доучиться в Институте международных отношений (МГИМО), перевели весь пятый курс в этот институт. Там нам прочитали курсы по истории международных отношений и истории международного права. Я сейчас не помню фамилии этих профессоров. Но это были высококомпетентные и профессиональные преподаватели. А после этого мы стали писать дипломные работы. Я написала диплом по тайпинам, а руководителем у меня был Л.И. Думан⁵, тоже очень известный китаевед. Свой диплом я защитила на «отлично».

НА: Как Вам удалось трудоустроиться после окончания института?

⁵ Думан Л.И. (1907-1979). М.р.: Москва. Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1930). Преподаватель Ленинградского института живых восточных языков, ЛГУ (1936-1941). В 1941-1952 служил в армии. Науч. сотр. ИВ АН СССР (1935-1940, 1952-1956, 1962-1979), зам. дир. Института китаеведения (1956-61). Автор более 80 научных работ по Китаю и соседним странам в древности и новое время.

ЗК: Потом нас ожидало малоприятное будущее, потому что было трудно с распределением. Объясняли это тем, что китайские товарищи уже хорошо владеют русским языком, и что наши специалисты не нужны. Тем, кто уже был семейный, выдавали просто свободные дипломы. А тех, кто был неженат или незамужем, отправляли на границу или в Среднюю Азию преподавать английский язык. В общем, занимались мы всем, только не Китаем. Я уехала на какое-то время в Литву, потом вернулась в Москву. В Москве я тогда не могла устроиться по специальности и, в итоге, устроилась в один технический НИИ, где работала переводчиком английского языка. Здесь мне правда, удалось пообщаться с китайцами: приехала один раз китайская делегация на заседание СЭВа. Их было 3 человека: один был из Маньчжурии, командир партизанского отряда, другой – капиталист из Гуанчжоу, и с ними был переводчик. Мне было очень интересно то, что они не понимали друг друга. А поскольку мы учили пекинский диалект, то мне с ними тоже было сложно объясняться. Поэтому, как ни странно, приходилось использовать английский язык. Правда, письменные документы (различные соглашения) были присланы на китайском языке – это всё я сумела перевести. Это, можно сказать, была моя единственная встреча с китайцами. После событий 1969 г. на острове Даманском⁶ обстановка в СССР изменилась. Китаеведов стали

⁶ Советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманский – боевые столкновения между СССР и КНР 2 и 15 марта 1969 в районе острова Даманский (кит. 珍宝, Чжэньбао – «Драгоценный»), на р. Усури в 230 км южнее Хабаровска и 35 км западнее райцентра Лучегорск. 11 сентября в Пекине Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, возвращавшийся с похорон Хо Ши Мина, и Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Эньлай договорились о прекращении враждебных

принимать в аспирантуру. Тогда я и поступила в аспирантуру Института международных отношений, где стала заниматься внешней политикой и международными отношениями. В частности подготовила кандидатскую диссертацию по теме «Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны». Я её защитила в 1972 г., после чего перешла работать в Институт востоковедения, в Отдел Китая (в начале 70-х годов). Здесь я продолжала исследовать эту тему. Опубликовала в 1978 г. книгу «Внешняя политика Гоминьдановского правительства в период антияпонской войны (1937–1945)». В последующие годы я продолжила изучение Гоминьдана, но обратилась к более раннему периоду. Я вернулась назад на 10 лет и стала исследовать период «Нанкинского десятилетия» (1927–1937). Написала книгу, объёмом около двадцати авторских листов.

НА: Расскажите, пожалуйста, подробнее об этой книге.

ЗК: Эта книга называется «Китай и державы, 1927–1937». (Издательство Восточная литература. – М., 1995, 278 с.). Работа начинается по времени с момента прихода к власти в Китае в 1927 г. партии Гоминьдан. Её официальная идеология – учение Сунь Ят-сена⁷, организатора и руководителя Гоминьдана, крупного политического деятеля Китая первой четверти XX в.

акций и о том, что войска остаются на занятых позициях. Фактически это означало передачу Даманского Китая. 20 октября 1969 прошли новые переговоры глав правительств СССР и КНР, удалось достичь согласия о необходимости пересмотра советско-китайской границы. В 1991, после серии переговоров в Пекине и Москве, остров окончательно отошёл к КНР.

⁷ Сунь Ят-сен (孫逸仙 Сунь И-сянь; Сунь Вэнь (литературный псевдоним); Сунь Чжун-шань 孫中山 (имя в эмиграции); 12.11.1866–12.03.1925). Китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. В 1940 Сунь Ят-сен посмертно получил титул «отца нации».

Политическая программа, изложенная Сунь Ят-сеном, на I съезде партии в январе 1924 г., была нацелена на построение единого, независимого и экономически сильного Китая. Её выполнение легло на плечи нового, сформированного в Нанкине правительства, которое возглавил лидер правого крыла Гоминьдана Чан Кай-ши⁸.

Чан Кай-ши и его сторонникам досталось тяжёлое наследство. Страна была опутана сетью неравноправных международных договоров, предоставлявших империалистическим державам самые широкие возможности для политического, экономического и военного закабаления Китая. На пути выполнения задачи, направленной на возрождение Китая, китайских политиков и дипломатов ожидали большие сложности. И если за спиной держав было экономическое, политическое и военное могущество, то новое китайское правительство могло рассчитывать только на благоприятное для Китая стечение обстоятельств на международной арене и на искусство своей дипломатии, профессионализм и компетентность дипломатов. Гоминьдановская дипломатия строила свою деятельность на сочетании традиционных доктрин с теорией суньятсенизма, которая, в свою очередь, являлась своеобразным сочетанием традиций Востока и Запада, старого и нового.

В книге рассматривались отношения китайской дипломатии с

⁸ Чан Кай-ши 蔣介石 (1887–1975). 2-е имя Цзян Чжун-чжэн 蔣中正. Крупнейший политический и военный деятель Китая. С 1925 – лидер Гоминьдана. Генералиссимус, верховный главнокомандующий Китайской республики. Президент Китайской республики (1928, 1932, 1943, 1948–1975).

крупнейшими империалистическими державами – США, Англией, Германией, Францией и Японией в период от образования в апреле 1927 г. нанкинского правительства, и до начала антияпонской войны 7 июня 1937 г. Главный акцент сделан на китайско-японских отношениях, так как именно они занимали центральное место во внешнеполитической деятельности Нанкина на данном этапе. В эти годы от империалистической Японии исходила прямая угроза существованию Китая, как независимого суверенного государства.

В общем, изучение отношений Китая с крупнейшими империалистическими державами в первое десятилетие республиканского правления имеет большое научное значение, потому что именно в эти годы китайское правительство приступило к проведению независимого внешнеполитического курса, к борьбе за равное место среди других государств.

НА: Известно, что роль Гоминьдана в борьбе за национальное освобождение Китая долгое время замалчивалась, приуменьшалась и даже искажалась как в мировой синологии, так и в историографии КНР.

ЗК: Именно поэтому, обратившись к теме «Китай и державы», которая в той или иной степени освещалась в мировой синологии, я ставила своей задачей воспроизвести объективную картину борьбы Гоминьдана за освобождение от империалистических оков, мешавших национальному возрождению. Я считала необходимым отказаться от старых стереотипов и политических клише типа «продажная», «капитулянтская», применявшихся к оценке

политики Чан Кай-ши. Стремилась показать Китай и его правительство как субъект в системе международных связей, последовательно отстаивавший национальные интересы. Появившиеся в то время новые источники и литература давали возможность избежать упрощённого, субъективного подхода, характерного для исследований 1950-х – начала 1970-х годов при оценке деятельности Гоминьдана, и сделать акценты на те моменты, которые либо замалчивали в угоду политической конъюнктуре, либо не были известны. Так, многие российские и китайские авторы на первое место выдвигали классовую борьбу, и с этой позиции оценивали внешнеполитическую деятельность правительства Чан Кай-ши. Поэтому долгое время в тени оставались истинные импульсы его деятельности. Речь идёт о модернизации политического строя Китая, превращения его в могучую державу, ликвидации цепей колониальной зависимости.

НА: Как потом получилось, что Вы перешли от международных отношений к изучению темы взаимовосприятия китайцев и японцев?

ЗК: Ещё в годы работы над вышеназванной книгой мне попала известная в то время статья Джонсона (Johnson) «How Japan and China see each other»⁹.

Исследование политических отношений между Китаем и державами, главным

⁹ *Джонсон, Чалмерс Эшби* (Chalmers Ashby Johnson, 1931–2010) – американский писатель и почётный профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего. Воевал в Корейской войне, в 1967–1973 – консультант ЦРУ, преподавал в Центре для китайских студентов Калифорнийского университета в Беркли (1967–1972). Президент и сооснователь Института исследования японской политики – организации, содействующей распространению информации относительно Японии и Азии. Написал много книг, включая трилогию-исследование Американской империи: «Возврат» (Blowback), «Скорбь империи» (The Sorrows of Empire) и «Немезида: Последние дни американской республики» (Nemesis: The Last Days of the American Republic).

образом Японии, вызвало интерес к психологическому аспекту их отношений и необходимость наметить основные черты, проследить вехи в эволюции стереотипов китайско-японского взаимовосприятия, выявить те их компоненты, которые, трансформируясь, сохраняют определённую устойчивость вплоть до настоящего времени. На этапах новой и новейшей истории эта тема тесно связана с более общей и широкой проблемой отражения в китайском общественном сознании процесса насильственного вовлечения традиционного Китая в современные международные отношения, его приобщения к современной цивилизации. Решение этой проблемы позволяет глубже раскрыть характер внешнеполитического мышления как феодально-консервативной элиты, так и представителей прогрессивных общественных сил.

НА: Наверно, все эти исследования как-то изменили и Ваши собственные прежние стереотипы о Китае?

ЗК: Разумеется. Когда я подбирала материал, то столкнулась со многими разночтениями в оценке китайских лидеров. Но у меня сложилось другое мнение о руководителе Чан Кай-ши, что я и изложила в своей работе. Я считаю его патриотом, который хотел добиться суверенитета для своей страны. Это была его главная задача (сверхзадача), которой он посвятил всю свою жизнь: добиться отказа западных держав от неравноправных договоров и превратить Китай в могучую страну. И хоть у Чан Кай-ши далеко не всё получилось, но он боролся за интересы своей страны. А вовсе не хотел

находиться под влиянием японцев и быть у них в качестве марионетки. Это совершенно неправильно, хотя некоторые авторы именно так и писали. После этой работы я со своим коллегой (Ю.В. Чудодеевым)¹⁰ стала писать книгу о китайско-японских отношениях, которую мы назвали «Китай – Япония: любовь или ненависть?».

НА: Расскажите, пожалуйста, об этой книге.

ЗК: Ещё в начале 1980-х гг. мною, совместно с коллегой из Отдела Китая, старшим научным сотрудником Чудодеевым Ю.В., была написана статья «Китай – Япония: Эволюция социально-психологических стереотипов взаимовосприятия». (Общество и государство в Китае. – М., 1982, с. 94–106).

В 1987 г. мы с Юрием Владимировичем депонировали монографию по этой теме. Наконец, в 2001 г. мы выпустили в соавторстве книгу под названием «Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия».

Эта работа написана совместно. Эта книга состоит из пяти глав и охватывает период от установления отношений между Китаем и Японией в VII веке н.э. до 30–40 годов XX века. Точнее, заканчивается 1945 годом – годом окончания Второй мировой войны. Объём книги – 376 с., или более 20 авторских листов.

НА: Какие темы Вы исследуете в настоящее время?

¹⁰ Чудодеев Юрий Владимирович (род. 28.08.1931, Москва). Китаевед, к.и.н. (1965). В 1949-1954 учился на историческом факультете МГУ на кафедре «История стран Дальнего Востока». Специалист по новой и новейшей истории Китая. С 1962 – науч. сотр. ИВ АН СССР. Стажировался в Пекинском университете (1964) и университете Фудань (Шанхай, 1985-1986). Тема кандидатской диссертации: «Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции накануне Синьхайской революции в Китае» (научный руководитель – С.Л. Тихвинский). В наст. вр. – ведущий научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН.

ЗК: В последние годы я занимаюсь китайскими дипломатами. Я хочу посмотреть более объективно на весь этот период: кто был тогда у власти и какую роль реальную играл в судьбе Китая. Сейчас пока я взяла дипломатов англо-американской школы: это Гу Вэй-цзюнь¹¹, Ван Чжэн-тин¹², Ши Чжао-цзи¹³, Юджин Чэнь (Чэнь Ю-жэнь)¹⁴ и др. Т.е. тех, кто получил образование за границей. Это были очень компетентные люди, прекрасно владеющие языком. А самым главным было то, что все они были патриотами. Они во время войны на всех конференциях отстаивали права Китая. В результате, из Второй мировой войны Китай вышел как великая держава. Хотя когда он вступал в войну, на нём висели эти неравноправные договора. В

¹¹ *Веллингтон Гу* (Wellington Коо, имя при рождении Гу Вэйцзюнь 顧維鈞, 29.01.1888, Шанхай – 14.11.1985, Нью-Йорк) – китайский дипломат и политический деятель. Окончил англиканский университет св. Иоанна в Шанхае и Колумбийский университет (1908). В 1912 получил научную степень доктора философии. Был первым представителем Китая в Лиге Наций. Член китайской делегации на Вашингтонской конференции 1921–1922. Министр иностранных дел (май–ноябрь 1922, февраль 1923 – сентябрь 1924, 1931), министр финансов (май 1926), премьер-министр (июль–октябрь 1924). С 1932 – китайский представитель в Лиге Наций. Посол во Франции (1936–1940). После разгрома Франции – посол в Великобритании (до 1946). Затем – посол Китайской республики (Тайвань) в США. В 1956 оставил дипломатическую службу и занял пост судьи Международного суда ООН в Гааге. В 1967 вышел в отставку.

¹² *Ван Чжэн-тин* 王正廷 (1882, пров. Чжэцзян – 1961, Сянган) – китайский дипломат и политический деятель. Окончил университет Бэйян в Тяньцзине, затем Йельский университет (США), где защитил докторскую степень (1908). В 1910 вернулся в Китай, был министром иностранных дел в правительстве Гоминьдана. С 1921 – один из известных руководителей спорта в Китае, в 1922 избран членом Международного олимпийского комитета. С 1952 жил в Гонконге.

¹³ *Ши Чжао-цзи* 施肇基 (10.04.1877, пров. Цзянсу – 03.01.1958, Вашингтон). Известный китайский дипломат. В 1893 окончил Университет святого Иоанна (上海圣约翰大学). В 1902 получил степень магистра в Cornell University. После Синьхайской революции был посланником в США, Испании и Перу. В 1914–1920 и 1929–1932 работал в посольстве Китая в Англии. С 1932 по 1937 – работал в посольстве в США, с 1941 – занимал разные дипломатические должности, в т.ч. представителя Китая при ООН.

¹⁴ *Чэнь Ю-жэнь* 陳友仁 (Eugene Chen. 1878, Тринидад –1944, Шанхай), имел афро-китайско-испанское происхождение. Образование получил в Тринидаде, там же занимался юридической практикой. В 1912 уехал в Пекин, был юридическим советником Сунь Ят-сена и министром иностранных дел, вплоть до смерти последнего и после этого (1926–1934) – при трёх разных правительствах.

1943 году Китай окончательно избавился от этих договоров. Главным было – договориться с Америкой, а остальные страны отменили их потом сами по себе. Так что, деятельность этих китайских дипломатов заслуживает памяти и всякой положительной оценки.

НА: Вероятно, Вы публиковали научные труды и на другие темы?

ЗК: Ряд моих статей, касающихся различных аспектов отношений Китая с империалистическими державами, публиковались во многих институтских сборниках. Это такие сборники, как «Современный Тайвань», «Китаеведение Англии», «Революция 1925–1927 (Западная историография)», «Социальные и экономические проблемы Китая» и др., а также статьи в ежегодном сборнике «Общество и государство в Китае» (материалы проводимой Отделом Китая ежегодной конференции). В настоящее время я участвую в подготовке десятитомной «Истории Китая», под общей редакцией академика С.Л. Тихвинского¹⁵. Для этого издания мною написаны разделы о Парижской и Вашингтонской конференциях, обсуждение китайско-японского конфликта в Лиге Наций, Брюссельская конференция, переговоры об отмене неравноправных договоров 1928–1931 гг. и др.

НА: Каковы Ваши научные планы на будущее?

ЗК: Чем я сейчас буду заниматься, я ещё пока не решила. В этом году в нашем институте произошли изменения, сменилось руководство. Возможно, это

¹⁵ *Тихвинский С.Л.* (1918 г.р.). М.р.: Петроград. Дипломат, китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Чрезвычайный и Полномочный Посол (с 1966). Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

как-то повлияет на наши коллективные исследования. Например, в 1980-х гг., когда у нас директором был Е.М. Примаков¹⁶, я ещё занималась так называемыми «ситанализами» (ситуационными анализами), то есть, анализом современных проблем в ходе совместных заседаний экспертов. Я также писала историографические статьи. Одна статья у меня была о Тайване (см. выше). Также участвовала в Международной конференции, посвящённой окончанию Второй мировой войны. А сейчас я пока ещё думаю, чем буду заниматься.

НА: Когда и как Вы впервые побывали в Китае?

ЗК: В Китае я, к сожалению, была только один раз. У нас это очень сложно. Но один раз мне удалось поехать в Пекин на 12 дней. Это произошло в 1990 году. Я была просто потрясена, когда увидела Китай. Причём, если учитывать, что я всё время занималась Китаем, а приехала туда только в 1990-м году! Я всё время ходила по городу (Пекину). Я посмотрела все храмы и была так расстроена, что был сильный ветер, из-за которого нас не пустили посмотреть Великую стену! Мне хотелось осмотреть буквально каждый уголок этой прекрасной страны. Я была очень довольна, и эти впечатления сохранила в памяти. И люди, с которыми я встречалась в Институте новой истории, были такие доброжелательные. Как они меня принимали, и какие у нас были беседы! За две недели в Китае я была несколько дней в этом институте, и

¹⁶ *Примаков Е.М.* (1929 г.р.). М.р.: Киев. Востоковед-арабист, Окончил МИВ (1953). Д.э.н. (1969). Профессор (1974), академик АН СССР (1979). В 1977–1985 – директор ИВ АН СССР, с 1979 – одновременно профессор Дипломатической академии. В 1985–1989 – директор ИМЭМО АН СССР. Министр иностранных дел РФ (1996–1998). Председатель правительства (премьер-министр) РФ (1998–1999).

сохранились самые лучшие впечатления. Во время этих визитов в Институт новой истории, в китайский отдел, я стремилась поговорить с китайскими коллегами о своей книге по нанкинскому десятилетию, которая называется «Китай и державы». Так сказать, сравнить, как я оцениваю и какова сейчас общая оценка в КНР. Современную оценку мы уже знаем из литературы. Она сводится к тому, что это направление изучения республиканского Китая является главным научным направлением, и поэтому мы тоже стараемся к этому подходить по-другому, как можно больше читать. Но с этим у нас тоже проблемы, потому что китайских книг мы получаем очень мало. У нас при институте Дальнего Востока есть специальная синологическая библиотека. Но за последние два года мы получили очень мало книг. Буквально накануне этого интервью пришли три работы о Чан Кайши. Ещё в этом году появились новые работы об антияпонской войне, и ещё вышла книга «Новая история республиканского Китая». Это то, что можно уже использовать в последующей работе.

НА: Как складывалась Ваша китаеведческая карьера?

ЗК: Об этом я уже упоминала. Начиная с 1970-х годов, я по-прежнему работаю в Институте востоковедения академии Наук. Ни в какие другие институты я за всё это время не переходила.

НА: В каких научных обществах Вы состоите?

ЗК: Раньше у нас было общество «Дружба», отвечавшее за поддержание дружеских связей с Китаем. В нём состояли почти все советские китаеведы. В

то время, независимо от взлетов и падений в отношениях с Китаем, у нас проводились очень интересные заседания.

НА: С кем из известных китаеведов Вам приходилось работать, что вас объединяло?

ЗК: Я работала с академиком Тихвинским Сергеем Леонидовичем, с Меликсетовым Арленом Вааговичем¹⁷. Они занимались сходными с моей темой исследованиями. И у нас было какое-то сходство в идеях и оценках в отношении развития Китая. Вот, сейчас пересматривается даже эпоха Цин, её значение для истории Китая. И, очевидно, над этим придётся думать и работать.

НА: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом? Влияние идеологии на науку?

ЗК: Идеология на науку, безусловно, и влияла, и влияет. Вот, развитие советского и российского китаеведения, я бы сказала, зависит от тех условий, которые ему создаются. Нужно быть в этой стране, которую ты изучаешь, нужно иметь литературу, по которой можно заниматься исследованиями. А если просто смотреть какую-то случайную макулатуру, то, конечно, ничего серьёзного написать нельзя.

НА: Как на Вас повлияла «холодная война» и эпоха противостояния между СССР и КНР?

¹⁷ Меликсетов Арлен Ваагович (1930–2006). Китаевед-историк. Окончил исторический факультет МГУ (1956). Д.и.н. (1976). Профессор (1976). Научный сотрудник Института китаеведения (1956–1960). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1960–1989). Директор ИСАА при МГУ (1989–1994). Главный редактор журнала «Китаеведение» (с 2000).

ЗК: На меня она никак не повлияла. Я как придерживалась каких-то взглядов по той проблематике, которой я занималась, так и продолжала их придерживаться. Сейчас современное состояние российского китаеведения, я бы сказала, таково, что мы не очень активно занимаемся наукой. И опять же это связано с нашим внутренним положением, с тем, что у нас в стране не устоялось всё, что мы не имеем возможности регулярно ездить в командировки. Мы не можем покупать книги, потому что они стоят таких денег, что на нашу зарплату, а я – старший научный сотрудник и кандидат исторических наук – не могу покупать такие дорогие книги. Поэтому я пользуюсь в основном литературой, которая приходит в библиотеку. Но библиотеки сейчас даже не дают возможности выписывать китайские журналы, такие прекрасные журналы, как «Миньго данъань», «Лиши данъань» и др. А это именно те журналы, откуда мы можем брать информацию из архивов. Чан Кай-ши, когда он уезжал с континентального Китая, забрал архивы на Тайвань. Поэтому приобщение к архивам Тайваня было бы тоже очень важным условием для написания наших научных работ.

НА: Приходилось ли Вам заниматься наукой и преподаванием в третьих странах?

ЗК: Нет, жизнь сложилась так, что я вообще преподаванием не занималась.

НА: Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

ЗК: Зарубежные синологи тоже все очень разные, и у них разные взгляды.

Иногда можно с ними соглашаться, а иногда совсем не соглашаться, спорить.

Но мы, к сожалению, с ними общаемся довольно мало, и чаще всего только заочно. Вообще, я бы не сказала, что западная мысль и западная наука влияет на меня как-то уж очень прямо и непосредственно. Я стараюсь быть более объективной в своей работе. И сейчас стараюсь больше заниматься той новой китайской литературой, которая к нам поступает.

НА: Ваше отношение к китайской кухне?

ЗК: Китайская кухня – это что-то необыкновенное! Когда мы иногда бываем в китайских ресторанах, нам хочется попробовать буквально всё. Но это «всё» мы не в состоянии съесть – слишком велико разнообразие блюд. Мне, лично, особенно нравится карп, запечённый в кисло-сладком соусе. И мне кажется, что я смогла бы его съесть одна – такую большую рыбу!

НА: Принимаете ли Вы какое-либо участие в развитии современных российско-китайских связей?

ЗК: Ну, какое я принимаю участие, если я нахожусь в Москве!? Я с удовольствием принимала бы более активное участие. Но, к сожалению, моя поездка в Китай ограничилась 1990 годом. Правда, в Институте Дальнего Востока, это наш смежный институт, когда у них бывают какие-то встречи с китайскими товарищами, я нередко принимаю участие. К ним в институт недавно приезжали профессора из Шанхая, из института, который занимается республиканским Китаем, и мы с ними встречались. Когда в Москву приезжают китайские учёные, мы стараемся посещать эти встречи. В последние годы к нам в отдел Китая также всё чаще приезжают гости из

академии общественных наук КНР, из Академии Синика на Тайване и из Гонконга.

НА: Каково, на Ваш взгляд, восприятие россиянами образа Китая?

ЗК: Все россияне воспринимают Китай как большую страну, которая стремится добиться приоритета, выйти вперёд в мире и чувствовать себя уверенно и т.д. Китайский народ – это самый трудолюбивый и доброжелательный народ, и мы к нему относимся очень хорошо. Мы ещё помним, как в институте мы пели песню «...Сталин и Мао слушают нас».¹⁸ До сих пор от учёбы в институте остались большие впечатления. Очень жаль, что нам так и не удалось его закончить, а произошла уже рассказанная выше история.

НА: Удаётся ли Вам следить за событиями в Китае?

ЗК: Да, мы следим за событиями в Китае, в основном по прессе. И по китайской, и по нашей русской прессе.

НА: Как Вы оцениваете развитие последних десятилетий в Китае?

ЗК: Последние десятилетия в Китае могут только восхищать: как быстро они развиваются, какой большой прогресс, и как много китайцы добились за это время. Я думаю, что в будущем Китай станет великой страной, и будет находиться в числе первых держав, а может быть и первой, перегонит

¹⁸ Строки из популярной в 1950х годах песни «Москва – Пекин»:
*Русский с китайцем братья навек,
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас!*

Америку, Это происходит уже сейчас. Мы приветствуем это.

НА: Каково будущее между Россией и Китаем?

ЗК: Мы надеемся, что будущее между нами будет всё-таки дружеским, что мы будем дружить так же, как дружили в 1950-х годах. Хотя эти поколения середины 20 века и уходят, но всё-таки что-то передаётся. Поэтому нам кажется, и хотелось бы, чтобы мы были дружескими странами, развивались рука об руку.

НА: В чём сходство судеб наших стран?

ЗК: Сходство в прошлом: то, что и Россия и Китай были слабыми странами, и Россию угнетали, и Китай угнетали. Но, в конце концов, им удалось вырваться из этого ярма западных держав. В обеих странах к власти пришли коммунисты, строился социализм. А теперь активно проводятся рыночные реформы.

НА: Что разделяет и сближает Китай и Россию?

ЗК: То, что, во-первых, у нас общая большая граница, и это должно нас сближать. Мы должны стараться превратить эту географическую близость в истинно дружеские добрососедские отношения. Мне кажется, что России и Китаю не стоит быть «стратегическими соперниками», лучше мы будем друзьями и «стратегическими партнерами».

НА: Где обычно публикуются Ваши исследования?

ЗК: Наши исследования сейчас публикуются очень мало. А раньше, в советское время, они публиковались издательствами «Наука», в журналах

«Восток», «Проблемы Дальнего востока», в других журналах. Источники финансирования публикаций и исследований – обычно бюджетные, государственные. Нас финансирует государство. Темы исследований в основном мы стараемся выбирать сами, конечно, согласуя с руководством отдела, чтобы потом не было недоразумений.

НА: Самые большие достижения и разочарования?

ЗК: О больших достижениях, может быть, и не стоит говорить. А разочарования, конечно, есть. И в этом определённую роль сыграло то, что ликвидировали наш институт, из-за чего наша карьера и наша жизнь уже пошла по другому пути. Конечно, не всё сделано, и хотелось бы сделать как можно больше, но на это не хватает сил. Из достижений – я написала четыре книги, 30 или больше статей. У нас в отделе проводится ежегодная научная конференция, которая называется «Общество и государство в Китае». Все сотрудники отдела Китая ИВ РАН выступают на этой конференции с докладами и обязательно пишут статьи для сборника материалов этой конференции.

НА: Влияние российско-китайских отношений на китаеведение?

ЗК: Конечно, развитие китаеведения в СССР и России зависит от международной обстановки. Немалое влияние оказывала и обстановка в стране, и между двумя странами, – всё это оказывало влияние. Российско-китайские отношения очень сильно отразились на китаеведении в 1950–1960-х годах. С момента прихода к власти Хрущёва у нас сначала

сохранялись дружественные отношения. А потом эти советско-китайские отношения испортились. И, конечно, это повлияло на китаеведение. События на Даманском, например, и т.д. Тут были спады. Были взаимная критика и обиды. Но потом, к нашему счастью, этот период закончился, и у нас был очень большой подъём. Подъём начался – после встречи Косыгина с Чжоу Энь-лаем¹⁹. Двусторонние отношения начали выравниваться, и потом стали развиваться всё больше и быстрее (это в 1980-х годах). В 1980-х гг. это вызвало возрождение интереса к китаеведению и повысило престижность нашей специальности. Но с началом рыночных реформ академическое китаеведение оказалось без денег. Интерес к научной карьере в китаеведении упал, а молодёжь предпочитает использовать знание Китая и китайского языка не для науки, а для занятий бизнесом.

НА: Как влияли на вас пограничные конфликты с Китаем?

ЗК: Я в основном занимаюсь внешней политикой. Поэтому и советские пограничные конфликты с Китаем, конечно, отрицательно влияли на меня, на мою работу. Выпускались всякие пропагандистские спецбюллетени и прочая, не очень научная продукция. К счастью, пограничные конфликты между

¹⁹ *Косыгин Алексей Николаевич* (1904–1980) – советский государственный и партийный деятель. Председатель Совета Министров СССР (1964–1980). Дважды Герой Социалистического Труда (1964, 1974). Депутат Верховного Совета СССР (1946–80).

Чжоу Эньлай 周恩來 (1898–1976) – политический деятель Китая, первый премьер Госсовета КНР с момента её образования в 1949 до своей смерти; потомок в 33-м колене основателя неоконфуцианства Чжоу Дуньи. Видный дипломат, способствовал мирному сосуществованию с Западом, одновременно пытаясь не разрывать отношений с СССР.

В ходе встречи 11 сентября 1969 в пекинском аэропорту обе стороны согласились, что вопрос о китайско-советской границе, длительное время не получавший разрешения, должен разрешаться путём мирных переговоров и в условиях, исключающих всякую угрозу, а до его разрешения обе стороны будут предпринимать временные меры к сохранению статус-кво на границе и избегать вооружённых конфликтов. Стороны также обменялись мнениями о том, какие временные меры следует предпринять.

нашими странами уже в прошлом, уже стали частью истории!

НА: Коллективные исследовательские проекты?

ЗК: Я уже упоминала, что участвую в написании десятитомной «Истории Китая». Кроме того, сейчас я принимаю участие в энциклопедии духовной культуры Китая, а также публикую статьи в сборниках, которые издаются после проведения научных конференций у нас в институте. Например, не только в отделе Китая, но и в отделе Хазанова²⁰ по международным отношениям.

НА: Какие направления являются, на Ваш взгляд, приоритетными в современном китаеведении?

ЗК: У нас в отделе Китая много внимания уделяется историческим памятникам. Работе с древними и средневековыми письменными источниками. Например, Н.П. Свистунова²¹ исследует «Законы великой династии Мин». С. Кучера²² занимается «Чжоу ли»²³. Коллеги в отделе также

²⁰ Хазанов Анатолий Михайлович (род. 23.05.1932, Благовещенск). Заведующий отделом комплексных проблем международных отношений ИВ РАН (с 1990). Окончил ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова (1955), аспирантуру МГУ (1958), д.и.н., профессор; академик РАЕН; основные направления научной деятельности: международные отношения и региональные конфликты в Азии и Африке, политика СССР и России в Азии и Африке.

²¹ Свистунова Наталия Павловна (12.06.1930, г. Москва). Окончила ист. фак-т МГУ (1953). К.и.н. (1962). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (с1960). Издано более 60 работ.

²² Кучера Станислав-Роберт (1928 г.р.). М.р.: Львов. Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский университет (1952). Аспирант Пекинского университета (1953–1960). Научный сотрудник ИВ РАН с 1967. Специалист по древней истории и археологии Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

²³ «Чжоу ли» 周禮 – «Чжоуские ритуалы». Др. назв. – «Чжоу гуань» («Чжоуские чиновники»), «Чжоу гуань цзин» («Канон чжоуских чиновников»). Один из памятников, входящих в конфуцианское собрание классической литературы – «Тринадцать канонов» («Ши сань цзин»). Традиция приписывает его создание Чжоу-гуну, младшему брату У-вана – первого государя династии Чжоу (XI–III вв. до н.э.).

занимаются «И цзином»²⁴ (Книгой перемен), изучают средневековую эпиграфику. И это только одно направление, наряду с которым изучаются история, философия, религия, искусство и культура. Несколько меньше внимания в отделе Китая ИВ РАН уделяется сегодня изучению экономических и политических проблем современного Китая. В этом и состоит наша научная специфика.

НА: В чём отличие российского китаеведения от китаеведения Запада?

ЗК: В основном, что в России, что на Западе, отношение этих стран с Китаем непосредственно влияет на развитие китаеведения. Преимущество российских китаеведов состоит в том, что они, при всей своей изолированности, способны знакомиться с достижениями мирового китаеведения и использовать богатый потенциал и традиции российского китаеведения. Большая часть западных синологов лишена этой последней возможности в принципе, так как мало кто из них владеет русским языком.

НА: Ваша оценка миссии и перспектив российского китаеведения, с учётом нынешнего состояния смены поколений?

ЗК: Сейчас трудно об этом говорить. Сейчас продолжается кризис науки. И пока, как мне кажется, больших перспектив у нас нет. Но, конечно, есть разница в оценках и во взглядах разных поколений, меняется отношение к

²⁴ «И цзин» 易經 («Чжоу и» 周易) – наиболее авторитетное и оригинальное произведение китайской канонической и философской литературы, стоящее во главе как «Тринадцатиканония» («Ши сань цзин»), так и «Пятиканония» («У цзин») и оказавшее фундаментальное воздействие на всю культуру традиционного Китая, стран Дальнего Востока и ЮВА. Включает каноническую часть в двух разделах, созданную, видимо, в VIII–VII вв. до н.э. (т.е. собственно «И цзин»), и комментирующую часть, созданную в VI–IV вв. до н.э. – «И чжуань» 易傳 (или «Ши и» – «Десять крыльев», т.е. семь комментариев-чжуань, три из которых имеют по два раздела)

науке в целом, к тематике и методам научных исследований Поездки для научной работы в Китай всё-таки становятся реальностью. Растут связи с Китаем, происходит постепенная «глобализация» китаеведения.

НА: Ваши пожелания по поводу будущего российского китаеведения?

ЗК: Я бы хотела, чтобы оно развивалось более активно, на более естественной и объективной основе, не поддаваясь всякому идеологическому и политическому влиянию. Кстати, по поводу глобализации китаеведных исследований: что касается российских китаеведов, то мы с удовольствием объединились бы с китайскими исследователями и стали бы писать совместные работы. Это очень интересный вопрос, над которым стоит подумать. Осуществить это, наверное, не сегодняшний день, всё ещё не так просто, но уже реально.

НА: Какие качества нужны, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ЗК: Во-первых, нужно хорошо знать язык. Нужно следить за всей литературой, которая выходит в КНР, стараться анализировать любые изменения и в КНР. Главное – писать интересные и объективные работы, которые не были бы подвержены чьему-либо влиянию. И ещё одно «вечное» пожелание молодым китаеведам – трудиться, трудиться и трудиться!

НА: Спасибо большое, Зоя Дмитриевна, за Ваше интервью!

ЗК: Спасибо и Вам за подаренную возможность вспомнить прошлое и поговорить о судьбах нашего российского (советского) китаеведения!